

АУДИОПОДКАСТ • ЛИТЕРАТУРНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

КОЙ
А?

ПОДСУДИМЫЙ —
ОСКАР УАЙЛЬД

ДЕЛО ДОРИАНА ГРЕЯ

ПО МОТИВАМ «ПОРТРЕТА ДОРИАНА ГРЕЯ»

НЫЙ ПРОЦЕСС

РЕАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

НЕОЖИДАННЫЕ У

Руслан Пестов

Дело Дориана Грея.

Подсудимый - Оскар Уайльд

<https://litres.ru/74359658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

Есть книги, которые читают, а есть те, которые расследуют. «Портрет Дориана Грея» относится ко второй категории.

В этом интеллектуальном детективе зал суда превращается в пространство литературы. Подсудимый — сам текст романа. Обвинение утверждает: за маской циничного денди лорда Генри скрывается подлинный голос Уайльда, а трагическая судьба Дориана — лишь расплата за тайные пороки создателя.

Но адвокат защиты парирует: ссылаясь на предисловие к роману («Художник не моралист»), он доказывает, что ни один из персонажей не является автором. Бэзил Холлуорд отвечает только за искусство, лорд Генри — за идеи, а Дориан Грей — за воплощенное желание.

Это не сухая биография. Это захватывающее судебное шоу, где каждый парадокс Уайльда становится уликой, а финал заставляет нас посмотреть на классику как на идеальное преступление против читательских ожиданий.

Содержание

Глава	5
ДЕЛО ДОРИАНА ГРЕЯ	6
Подсудимый — Оскар Уайльд	6
Дело открывается	7
Суд открывается	10
ДЕЛО 1	12
Алиби	12
ДЕЛО 2	14
Не похож	14
ДЕЛО 3	17
Юноша до Дориана	17
Архивная пометка	19
ДЕЛО 4	20
Прекрасный юноша	20
ДЕЛО 5	22
Не прототип	22
ДЕЛО 6	24
Художник	24
ДЕЛО 7	26
Бэзил и подсудимый	26
ДЕЛО 8	28
Салон Бэзила	28
ДЕЛО 9	30

Первый портрет	30
ДЕЛО 10	31
Первый вопрос к Бэзилу	31
ЧАСТЬ III. БЭЗИЛ	33
ДЕЛО 11	33
ДЕЛО 12	36
ДЕЛО 13	37
ЧАСТЬ IV. ГЕНРИ	39
ДЕЛО 14	39
ДЕЛО 15	40
ДЕЛО 16	41
ДЕЛО 17	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Руслан Пестов
Дело Дориана
Грея. Подсудимый
- Оскар Уайльд

Глава

ДЕЛО ДОРИАНА ГРЕЯ

Подсудимый — Оскар Уайльд

Вступление

Все судебные диалоги в книге являются художественной реконструкцией. Реплики реальных людей не являются дословными цитатами, если это специально не указано. Фактические утверждения, вложенные в эти сцены, проверяются по источникам, приведённым в примечаниях.

Дело открывается

Есть романы, которые читают.

Есть романы, которые расследуют.

Портрет Дориана Грея относится ко второй категории.

Слишком много в нём людей, которые говорят словами своего автора. Слишком много идей, которые существовали в Лондоне Уайльда задолго до того, как появились в романе. Слишком много реальных книг, разговоров, эстетических теорий и человеческих отношений, которые словно прошли через мастерскую писателя и вышли оттуда уже в другом виде.

Но начать с простого обвинения было бы неправильно.

Дориан Грей — не Оскар Уайльд.

Бэзил Холлуорд — тоже не Оскар Уайльд.

И лорд Генри — не Оскар Уайльд.

Если мы начнём искать одного человека, спрятанного под маской одного персонажа, мы почти наверняка проиграем дело.

Потому что Уайльд был слишком умным писателем, чтобы оставить себя в одном месте.

Он мог дать одному герою собственное чувство, другому — собственную мысль, третьему — собственное желание, четвёртому — собственный страх.

И тогда возникает совсем другой вопрос.

Не:

«Кто такой Дориан Грей?»

А:

«Что Оскар Уайльд сделал с самим собой, когда создавал Дориана Грея?»

Это и есть предмет нашего расследования.

В этом деле есть обвинитель.

Есть адвокат.

Есть подсудимый.

Есть свидетели.

Некоторые из них действительно жили в викторианском Лондоне.

Некоторые существуют только на страницах романа.

Одна из них умерла задолго до начала нашего суда.

Но её показания остались.

Есть вещественные доказательства: письма, книги, журналы, редакторские документы и рукопись романа.

И есть особенно интересный свидетель.

Сам текст.

Проблема в том, что текст умеет лгать не хуже людей.

Поэтому мы будем проверять каждое показание.

Если человек похож на героя — это не доказательство.

Если герой говорит что-то похожее на Уайльда — это не доказательство.

Если Уайльд знал человека, похожего на героя, — тоже не доказательство.

Если совпадают три обстоятельства — это уже интересное.

Если существует документ — ещё интереснее.

Если рукопись показывает, что Уайльд собственноручно перенёс мысль от одного персонажа к другому, — тогда мы останавливаемся.

И начинаем слушать внимательнее.

Потому что теперь перед нами не догадка.

Перед нами **улика**.

ПРОЛОГ

Суд открывается

— Мистер Уайльд.

Подсудимый поднял глаза.

— Да?

— Вы понимаете, в чём вас обвиняют?

Уайльд оглядел зал.

— Боюсь, это зависит от того, кто именно обвиняет.

— Вас обвиняют в том, что вы написали собственную жизнь под видом романа.

Уайльд улыбнулся.

— Тогда обвинение сильно переоценивает мои литературные способности.

В зале засмеялись.

Судья постучал молотком.

— Тишина.

Адвокат поднялся.

— Ваша честь, защита хотела бы начать с очевидного.

— Слушаем.

— Мой клиент не является Дорианом Греем.

Обвинитель кивнул.

— Согласен.

Адвокат посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Согласны?

— Полностью.

— Тогда я предлагаю закрыть дело.

— Не получится.

— Почему?

Обвинитель положил на стол книгу.

— Потому что я не собираюсь доказывать, что Дориан —

Уайльд.

Он открыл книгу.

— Я собираюсь выяснить, где в этом романе оказался

Уайльд.

Уайльд перестал улыбаться.

Судья посмотрел на обвинителя.

— Начинайте.

ДЕЛО 1

Алиби

Первое показание дал сам подсудимый.

Это было удобно.

Уайльд всю жизнь любил объяснять искусство.

И особенно любил объяснять, почему искусство не обязательно объяснять самого художника.

Он говорил о красоте.

Об искусстве.

О самостоятельности произведения.

О том, что художник создаёт произведение, а не собственную исповедь.

Защита положила перед судом папку.

— Вот.

Обвинитель посмотрел.

— Что это?

— Алиби.

— Для кого?

— Для Уайльда.

— Почему?

Адвокат встал.

— Потому что если автор прямо утверждает, что произ-

ведение искусства не следует читать как его биографию, обвинение обязано доказать обратное.

— Согласен.

— Вы опять согласны?

— Да.

— Это начинает раздражать.

— Простите.

Судья вмешался:

— Обвинение, что именно вы собираетесь доказывать?

Обвинитель посмотрел на Уайльда.

— Ничего из того, что защита мне сейчас приписывает.

— То есть?

— Я не собираюсь доказывать, что Дориан — Уайльд.

Пауза.

— Я собираюсь установить, как реальная жизнь Уайльда превращалась в художественный материал.

Адвокат медленно сел.

— Это уже другое дело.

— Именно.

ДЕЛО 2

Не похож

Адвокат решил атаковать первым.

— Начнём с внешности.

Обвинитель молчал.

— Дориан Грей — молодой человек необыкновенной красоты.

Молчание.

— Уайльд не был Дорианом.

— Нет.

— Они не были похожи.

— Нет.

— Дориан молод.

— Да.

— Уайльд старше.

— Да.

— Дориан аристократически красив.

— Да.

— Уайльд был человеком совершенно другого типа.

— Да.

Адвокат повернулся к судье.

— Благодарю.

Он сел.

— Итак, — сказал судья, — это всё?

— Этого достаточно, чтобы уничтожить одну из основных теорий обвинения.

Обвинитель покачал головой.

— Я никогда её не предъявлял.

Адвокат нахмурился.

— Какую?

— Что Дориан похож на Уайльда внешне.

— Тогда почему мы обсуждали внешность?

— Потому что это хорошая теория.

— Для защиты?

— Для защиты.

Судья посмотрел на обвинителя.

— Что вы предлагаете вместо неё?

Обвинитель открыл новую папку.

— **Не искать лицо. Искать функции.**

— Объясните.

— Бэзил создаёт Дориана.

— Да.

— Генри формирует его идеи.

— Да.

— Дориан воплощает их в жизни.

— Да.

— А Уайльд создаёт всех троих.

Пауза.

— Вот это, — сказал адвокат, — уже гораздо труднее доказать.

— Согласен.

ДЕЛО 3

Юноша до Дориана

— Ваша честь, обвинение вызывает первого свидетеля.

Дверь открылась.

Свидетель не вошёл.

Вместо него на стол легла тонкая папка.

— Это что? — спросил судья.

— Текст.

— Свидетель?

— Да.

— Литературное произведение?

— Именно.

Адвокат усмехнулся.

— Прекрасно. Теперь нас будут допрашивать стихи.

— Иногда они отвечают лучше людей.

Обвинитель раскрыл папку.

— Мы возвращаемся в 1877 год.

Уайльд поднял голову.

— Зачем?

— Потому что Дориан ещё не существует.

— Вот именно.

— Но существует кое-что другое.

— Что?

— **Образ прекрасного юноши.**

Уайльд молчал.

Адвокат поднялся.

— Возражение.

— Основание?

— Обвинение собирается объявить любого прекрасного юношу будущим Дорианом.

— Нет.

— Тогда что оно утверждает?

Обвинитель посмотрел на судью.

— Только то, что этот образ появился у Уайльда задолго до романа.

— И это доказывает?

— Пока ничего.

Адвокат сел.

— Тогда я не возражаю.

Обвинитель перелистнул папку.

— Именно поэтому это и называется делом, а не приговором.

Архивная пометка

Здесь находится важнейшая ранняя улика нашего расследования: текст Уайльда 1877 года, в котором возникает образ прекрасного молодого человека.

Но прежде чем эта сцена войдёт в окончательную редакцию, мы должны установить:

- точное название произведения;
- дату создания;
- дату первой публикации;
- точный текст;
- контекст;
- существовали ли более ранние варианты;
- и действительно ли описание имеет то значение, которое ему приписывают.

Мы не будем делать из совпадения доказательство.

Пока это только **улика 1**.

ДЕЛО 4

Прекрасный юноша

Обвинитель написал на доске четыре слова:

Красота.

Молодость.

Созерцание.

Искусство.

— Вот что нас интересует.

Адвокат подошёл ближе.

— Вы забыли пятое.

— Какое?

— Викторианская эпоха была одержима античной красотой. Уайльд не изобретал прекрасных юношей.

— Разумеется.

— Тогда почему этот свидетель вообще здесь?

Обвинитель посмотрел на него.

— Потому что я не утверждаю, что Уайльд изобрёл этот образ.

— А что?

— Что он к нему возвращался.

Пауза.

— Снова.

— И снова.

— И снова.

— До Дориана?

— До Дориана.

Адвокат задумался.

— Это уже интереснее.

— Именно.

ДЕЛО 5

Не прототип

Судья попросил обвинение сформулировать гипотезу.

Обвинитель встал.

— Я не утверждаю, что юноша из раннего текста стал Дорианом.

— Хорошо.

— Я не утверждаю, что Уайльд заранее придумал весь роман.

— Хорошо.

— Я не утверждаю, что существует один реальный человек, с которого списан Дориан.

Адвокат улыбнулся.

— Наконец-то.

— Я утверждаю другое.

Он повернулся к Уайльду.

— **Образы не обязаны иметь одного прототипа.**

Уайльд смотрел на него внимательно.

— Иногда писатель собирает персонажа из множества источников.

— И иногда, — продолжил обвинитель, — один источник даёт лицо, другой — голос, третий — идею, четвёртый —

желание.

— А пятый?

— Страх.

Уайльд улыбнулся.

— Теперь вы начинаете понимать литературу.

— Нет, мистер Уайльд.

Обвинитель закрыл папку.

— Я начинаю понимать обвинительное дело.

ДЕЛО 6

Художник

Бэзил Холлуорд появился в деле почти незаметно.

Он не был самым громким.

Не был самым остроумным.

Не был самым опасным.

Он просто смотрел.

И именно это сделало его первым настоящим свидетелем.

Бэзил увидел Дориана и сделал то, что художники делают лучше всего:

превратил человека в образ.

— Вы любите Дориана? — спросил обвинитель.

Бэзил поднял глаза.

— Я восхищаюсь им.

— Это одно и то же?

— Нет.

— А что вы сделали?

— Я написал его портрет.

— Зачем?

Бэзил замолчал.

— Потому что иногда художник понимает человека только тогда, когда пытается его изобразить.

Обвинитель посмотрел на картину.

— А если портрет понимает человека лучше, чем сам человек?

Бэзил ничего не ответил.

На другом конце зала Генри улыбался.

ДЕЛО 7

Бэзил и подсудимый

Адвокат поднялся.

— Теперь я хочу вернуть внимание суда к очевидному.

Бэзил Холлуорд — художник.

Оскар Уайльд — писатель.

Бэзил — серьёзный.

Уайльд — публичный.

Бэзил действует через краску.

Уайльд — через слово.

Бэзил создаёт портрет.

Уайльд создаёт роман.

— Вы хотите сказать, что они не похожи?

— Именно.

Обвинитель кивнул.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да.

— И вы ничего не возражаете?

— Нет.

— Тогда защита просит записать: **Бэзил Холлуорд не является портретом Оскара Уайльда.**

Судья посмотрел на обвинителя.

— Вы согласны?

— Да.

Адвокат сел.

Обвинитель некоторое время молчал.

Затем сказал:

— Но Бэзил делает одну вещь, которую Уайльд тоже делал.

Адвокат поднял голову.

— Какую?

— **Он превращает реального человека в искусство.**

Тишина.

Уайльд впервые перестал улыбаться.

ДЕЛО 8

Салон Бэзила

Дом Бэзила — это не просто место.

Это среда.

Люди приходят туда смотреть на искусство.

Разговаривать.

Обсуждать красоту.

Смотреть друг на друга.

Быть увиденными.

Именно здесь мы впервые можем сравнить:

салон Бэзила

и

социальный мир Уайльда.

Не потому, что один является точной копией другого.

А потому, что оба существуют в пространстве, где искусство перестаёт быть картиной на стене и становится **способом общения.**

Адвокат немедленно возразил:

— Лондон конца XIX века был полон подобных салонов.

— Да.

— Значит, это не доказательство.

— Нет.

— Тогда что?

Обвинитель посмотрел на зал.

— Контекст.

— Контекст не доказывает авторство.

— Зато объясняет персонажа.

Судья кивнул.

— Это остаётся в деле.

И именно поэтому салон Бэзила останется.

Не как доказательство:

«Бэзил = Уайльд».

А как вопрос:

«Какую реальную культурную среду Уайльд превращает в пространство романа?»

ДЕЛО 9

Первый портрет

Теперь у нас три человека.

Бэзил — создаёт образ.

Генри — объясняет образ.

Дориан — становится образом.

И вот здесь появляется первая настоящая схема расследования.

Бэзил смотрит на Дориана и думает:
красота.

Генри смотрит на Дориана и думает:
возможность.

Дориан смотрит на себя и думает:
идеал.

А Уайльд смотрит на всех троих.

И пишет роман.

Это пока не доказательство.

Но это уже система.

ДЕЛО 10

Первый вопрос к Бэзилу

— Мистер Холлуорд, — сказал обвинитель, — почему вы боитесь лорда Генри?

Бэзил ответил не сразу.

— Потому что он смотрит на Дориана иначе, чем я.

— Как?

— Я вижу человека.

— А Генри?

Бэзил посмотрел в сторону.

— Он видит эксперимент.

Обвинитель записал ответ.

Адвокат поднялся.

— Возражение.

— На каком основании?

— Это интерпретация.

— Верно.

Обвинитель зачеркнул последнюю строку.

— Тогда запишем иначе.

Он посмотрел на Бэзила.

— Что Генри делает с Дорианом?

Бэзил ответил:

— Он говорит ему, кем тот может стать.

Обвинитель закрыл папку.

Теперь это было уже не интерпретацией.

Это было показанием.

И здесь первая часть действительно заканчивается.

Потому что теперь появляется **Генри**.

ЧАСТЬ III. БЭЗИЛ

ДЕЛО 11

Портрет

— Покажите суду картину.

Бэзил не двинулся.

— Она здесь?

— Да.

— Тогда покажите.

Бэзил снял покрывало.

В зале стало тихо.

На картине был Дориан.

Молодой.

Прекрасный.

Невинный.

И настолько живой, что на секунду возникало ощущение:

человек на холсте вот-вот заговорит.

Обвинитель подошёл ближе.

— Кто это?

— Дориан Грей.

— Вы его написали?

— Да.

— Значит, это портрет Дориана.

— Да.

— А что это за портрет?

Бэзил посмотрел на него.

— Мой.

— Не Дориана?

— Конечно, Дориана.

— Но вы только что сказали: «мой».

Бэзил замолчал.

— Потому что художник всегда оставляет что-то своё в произведении.

Адвокат поднялся.

— Это касается любого художника.

— Разумеется.

— Следовательно, ничего специфического для Уайльда здесь нет.

— Возможно.

Обвинитель кивнул.

— Но обратите внимание на странность.

Он повернулся к судье.

— Дориан изображён Бэзилем. Но этот портрет впоследствии становится более важным, чем сам Дориан.

— И что из этого следует?

— Что в центре романа оказывается не человек.

Пауза.

— А созданный человеком образ.

ДЕЛО 12

Что Бэзил знает

— Мистер Холлуорд, вы считаете Дориана хорошим человеком?

Бэзил задумался.

— Я считаю его прекрасным.

— Это не ответ.

— Для художника иногда это почти одно и то же.

— А для человека?

Бэзил посмотрел на портрет.

— Для человека — нет.

Это различие останется с нами надолго.

Потому что именно здесь появляется первая трещина.

Бэзил связывает:

красоту и человека.

Генри позднее свяжет:

красоту и удовольствие.

Дориан попыбует связать:

красоту и бессмертие.

А Уайльд заставит нас наблюдать, что произойдёт, если эти три вещи попытаться совместить.

ДЕЛО 13

Исчезновение Бэзила

Бэзил не исчезает сразу.

Сначала он перестаёт быть главным.

Это важнее.

В начале романа именно он обладает ключом к Дориану.

Он его знает.

Он его любит.

Он создал его портрет.

Но появляется Генри.

И постепенно происходит странная вещь.

Бэзил продолжает существовать.

Но его голос становится менее важным.

Генри начинает говорить за всех.

И здесь у нас появляется не предположение, а вещественное доказательство.

Рукопись.

В сохранившемся тексте Уайльд вычёркивает у Бэзила формулировку, связанную с исключительным «гением» красоты Дориана, а позднее эта мысль оказывается у Генри.

Это маленькое изменение.

Но для нашего дела оно огромно.

Потому что теперь мы можем увидеть не просто готовый роман.

Мы видим **как распределялся голос во время его создания.**

ЧАСТЬ IV. ГЕНРИ

ДЕЛО 14

Человек, который говорит

Генри появился не как преступник.

Он появился как собеседник.

Это было гораздо опаснее.

Он не заставлял Дориана ничего делать.

Он просто говорил.

— Вы когда-нибудь замечали, — сказал лорд Генри, — что люди гораздо охотнее принимают чужую мысль, если она звучит красиво?

Адвокат поднялся.

— Возражение.

— Почему?

— Он опять говорит афоризмами.

— Именно это меня и беспокоит, — ответил обвинитель.

Генри улыбнулся.

— Я могу говорить иначе.

— Не надо.

ДЕЛО 15

Генри говорит как Уайльд

Вот теперь начинается настоящее сравнение.

Мы не спрашиваем:

«Уайльд ли это?»

Мы спрашиваем:

«Почему Генри звучит как Уайльд?»

Его оружие — парадокс.

Он переворачивает мораль.

Он превращает банальность в остроумие.

Он говорит то, что приличный человек должен был бы промолчать.

И именно здесь читатель впервые может почувствовать опасность.

Не потому, что Генри злой.

А потому, что **он невероятно убедительный**.

Уайльд прекрасно понимал силу такой речи.

И именно поэтому Генри становится одним из самых подозрительных свидетелей нашего дела.

ДЕЛО 16

Адвокат возражает

— Ваша честь, защита хотела бы напомнить очевидное.

Лорд Генри — вымышленный персонаж.

Оскар Уайльд — реальный человек.

Генри принадлежит аристократическому миру романа.

Уайльд — ирландец, писатель, публичная фигура.

Генри женат.

Уайльд женат.

Но их биографии не совпадают.

Их характеры не совпадают.

Их судьбы не совпадают.

— И главное, — продолжил адвокат, — нельзя объявлять персонажа автором только потому, что персонаж говорит остроумные вещи.

Обвинитель кивнул.

— Согласен.

Адвокат посмотрел на него.

— Вы слишком часто соглашаетесь.

— Потому что это хороший аргумент.

— Тогда вы признаёте, что Генри не Уайльд?

— Да.

— Полностью?

— Как биографический прототип — да.

— Спасибо.

Адвокат сел.

Обвинитель добавил:

— Но у нас никогда и не было такого обвинения.

ДЕЛО 17

Перемещённая реплика

Вещественное доказательство 17 было небольшим.

Почти незаметным.

Несколько слов.

Бэзил говорит.

Уайльд вычёркивает.

Генри получает.

Вот и всё.

Но именно здесь впервые становится виден механизм.

Если бы Уайльд просто написал Генри афоризм, это было бы интересно.

Если бы Генри случайно оказался похож на Уайльда, это было бы интересно.

Но когда рукопись показывает, что **определённый интеллектуальный материал перемещается от одного персонажа к другому**, возникает совсем другой вопрос:

Не распределял ли Уайльд сознательно разные части авторского голоса между героями?

Morgan показывает эту редакторскую историю непосредственно на материалах рукописи.

Адвокат встал.

— Или он просто редактировал роман.

Обвинитель повернулся к нему.

— Да.

— И это всё?

— Нет.

— Что ещё?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.